

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Тат)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-2-52-59

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ТУКАЯ «РОДНОЙ ЯЗЫК»

Р. З. Хайруллин, И. А. Таирова

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ переводов стихотворения татарского поэта Г. Тукая «Родной язык», осуществленных русскими поэтами А. Чепуровым, С. Липкиным и носителем татарского языка и культуры Р. Бухараевым. Переводы анализировались на предмет соответствия оригиналу и адекватности использования средств художественной выразительности, привычных для русскоязычного читателя, постигающего национальную картину мира, созданную татарским поэтом. Сравнив три из многочисленных переводов на русский язык знаменитого стихотворения Г. Тукая, авторы пришли к выводу, что художественный перевод настолько специфичен, что не может быть единственным однозначно верного перевода. У каждого из рассмотренных переводов авторы отметили и достоинства, и недостатки. Но все три стихотворных перевода, так или иначе, лаконично звучат на русском языке, сохраняя основные смыслы и многие поэтические особенности стихотворения и языка татарского поэта.

Ключевые слова: татарская литература, Г. Тукай, стихотворение «Родной язык», силлабическое стихосложение, переводы на русский язык, сравнительный анализ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TRANSLATIONS OF THE POEM “NATIVE LANGUAGE” BY G. TUKAY

R. Z. Khairullin, I. A. Tairova

Abstract. The article presents a comparative analysis of the translation of the poem “Native language” by the Tatar poet G. Tukay made by the Russian poets A. Chepurov, S. Lipkin and the native of the Tatar language and culture R. Bukharayev. The translations were analyzed regarding the compliance to the original and adequacy of the use of the expressive means habitual for the Russian-speaking reader comprehending the national picture of the world

© Хайруллин Р. З., Таирова И. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

created by the Tatar poet. Having compared three of the numerous translations into Russian of the well-known poem by G. Tukay, the authors came to the conclusion that literary translation is so specific that there cannot be only one unambiguously right translation. In each of the translations analyzed the authors marked both advantages, and disadvantages. But all the three poetic translations, anyway, laconically sound in Russian, keeping the main meanings and most poetic features of the poem and language of the Tatar poet.

Keywords: *Tatar literature, G. Tukay, poem “Native language”, syllabic versification, translations into Russian, comparative analysis.*

Татарский народный поэт Габдулла Тукай (1886–1913) много сделал для прославления своей национальной традиции. Владея арабским, персидским и несколькими тюркскими языками, изучив русский язык, он познакомил татар с сокровищами мировой культуры. Особый вклад он внес в развитие и прославление родного татарского языка. Тому свидетельство – его известное стихотворение «Родной язык» («Туган тел»). Важность родного языка определяется еще и тем, что он является одним из основных средств передачи национальной культуры от поколения к поколению [1, с. 40].

Впервые опубликованное в сборнике «Детская душа» (Балалар күңеле») в 1909 г., это произведение посвящено любви поэта к родному татарскому языку. Позже, обретая известность, оно настолько полюбится татарскому народу, что исполняется в настоящее время как гимн родному языку. Ведь написано оно не только красивым и поэтичным языком, но и простым, легко понятным прежде всего детям. Именно для них, как вытекает из названия сборника, – «Детская душа», – татарский мастер словесности сотворил этот поэтический шедевр.

Образный строй стихотворения охватывает такие понятия, знакомые каждому с детства, как *отец, мать, бабушка, Бог*, а также связанные с ними ассоциации – *колыбельные, сказки, молитвы*. Поэт взывает к воспоминанию о своих чувствах *радости (шатлык) и печали (кайгы)* в детстве.

Но главный образ – это язык. Автор уточняет, что это «родной язык», то есть

татарский, и возносит его на столь же высокий пьедестал, как в свое время писал о «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке» Тургенев; А. И. Куприн, подчеркивавший его красоту, певучесть, выразительность и гибкость; К. Г. Паустовский и М. Горький, обратившие внимание на «богатство» языка, а также П. Мериме, намекавший на «тонкость оттенков» как необходимую черту поэзии, которой в полной мере обладает русский язык и т. д. Но главное, что в языке, как метко выразился А. С. Хомяков, «все волнуется, дышит, живет» [2]. Как раз в этом смысле лирический герой стихотворения Г. Тукая обращается к родному языку как к живой ипостаси.

Отсюда можно заметить, что все произведение напоминает молитву. С воззваний к языку, как к чему-то божественному, начинаются все четыре строфы стихотворения, за исключением второй. При этом если в первой строфе поэт украшает образ языка эпитетами «родной», «красивый», «отца и матери язык», то в 3-й и 4-й строфе акцент делается на единственном эпитете – «родной». Это понятие объединяет все: и красоту, и родину в лице отца и матери. Ведь род – это самое близкое понятие для человека. И язык здесь выступает как один из самых важных объединяющих (в данном случае лирического героя, его родителей) элементов.

Более того, поэт начинает 1-ю, 3-ю и 4-ю строфы с восклицания, таким образом придавая особую выразительность произведению. При этом в 1-й строфе это восклицание длиннее, чем в 3-й и 4-й. В 1-й строфе

поэт знакомит нас со своим молчаливым (на первый взгляд!) собеседником, подробно его характеризует: «И туган тел, и матур тел, эткәм-әнкәмнең теле!» [3, с. 69] – «О родной язык, о красивый язык, отца и матери язык!» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Р. Х.). А далее экспрессивность возрастает: в 3-й и 4-й строфе, как мы уже упомянули, Г. Тукай оставляет одно лишь емкое определение языку – «родной». И этого достаточно, все остальное возложено на эмоции: «И туган тел! <...> И туган тел! <...>» – «О родной язык! <...> О родной язык! <...>».

Во 2-й же строфе поэт, продолжая знакомить нас с объектом своего восхищения, указывает на самую важную (первейшую!) функцию языка – средство связи с матерью, бабушкой, словом, речь идет о той самой линии *рода*, о чем мы говорили выше. И здесь язык как бы сливается с образом матери и бабушки: «Иң элек бу тел белән әнкәм бишкәтә көйләгән, / Аннары төннәр буе әбкәм хикәят сөйләгән» [3, с. 69] – «Сперва на этом языке моя мама мне <...> пела песню, / Затем <...> моя бабушка рассказывала мне сказки» (подстрочный перевод).

Следовательно, так называемая «живость» языка подчеркивается напомниманием о колыбельных песнях, сказках. Они звучали, был звук – значит, язык – живое существо, к нему молитвенные обращения поэта.

Кстати, о том, что творчество Г. Тукая пронизано кораническими мотивами, не раз упоминалось татарскими и турецкими исследователями (Ф. Кюпрюлезаде, Дж. Валиди, И. Нуруллин, А. Еники, М. Шамсутдинова и др.) [4, с. 4, 11]. Следует упомянуть, что коранические мотивы стали основной темой сборника произведений Тукая «...Мин кулыма Китап алам» [5], что переводится как «Беру я в руки Книгу», где слово «Китап» («Книга») пишется с прописной буквы, отсылая нас к главной книге мусульман – Корану.

Отметим, что *аяты* Корана часто переводят понятием «стихи» – подобно пассажирам библейского текста [6, с. 76]. Возможно,

отсюда Г. Тукай перенял прием молитвенного обращения (к языку), как в молитвенных текстах Писания.

Кроме того, поскольку поэт скрупулезно изучал русскую литературу, конечно, он знаком с таким же явлением в русской поэтической культуре. В форме молитвы писали свои стихи А. П. Сумароков (цикл «Молитвы», 2-я пол. XVIII в.), Н. М. Карамзин («Молитва о дожде», 1793), И. И. Дмитриев («Две молитвы» и др.), Ф. Н. Глинка («Молитва души» и др.), М. Ю. Лермонтов («Моя мольба», 1830; «Юнкерская молитва», 1833) и т. д.

Помимо рассматриваемого стихотворения, в форме молитвы у Г. Тукая встречаем такие произведения, как «Впечатление» (1908); «Книга» (1909); «Молитва матери» (1909); «Надейся на Бога» (1909); «Вечерняя мольба» (1912) [4, с. 18]. Г. Тукай не скрывал, что «берет пример с Пушкина и Лермонтова», в своем стихотворении «Размышления одного татарского поэта» (1907) он так и писал: «Постепенно поднимаюсь на поэтические высоты» [цит. по: 4, с. 18].

Как молитвенная квинтэссенция звучат слова в заключительном стихе «Туган тел» Г. Тукая: «ярлыкагыл, дип, үзем һәм эткәм-әнкәмне, ходам!» – «Прости меня, отца и мать, мой Бог!». Смысл у них двоякий. С одной стороны, можно понять, что так завершается молитва Языку как Богу. С другой стороны, поэт подчеркивает сакральность родного языка, с помощью которого говорит с Богом. Оба эти смысла не умаляют достоинств произведения Г. Тукая.

К тому же, если обратить внимание на сильные позиции стихотворения, то мы увидим, что начинается стихотворение со слов «О родной язык», а заканчивается утверждением «мой Бог». А если сравнить начало и конец каждой в отдельности строфы, то получается снова молитва: «О родной язык» – «[ты] родной язык»; «Сперва» – «сказки», «О родной язык» – «[ты] печаль», «О родной язык» – «[ты] мой Бог». Подтверждена первая гипотеза. Однако слова из 4-го двустишия «на тебе была произнесена мной первая молитва» в то же время разграничивают понятия *языка* и *Бога*,

подчеркивая, что языку отведена почетная роль посредника между поэтом (как и всяким человеком) и Богом.

Важная особенность стихотворения так же состоит в его размере, принадлежности к силлабической системе стихосложения, основанной на равном количестве слогов в каждом стихе (греч. *sillabo* – «слог»). В рассматриваемом стихотворении Г. Тукая каждая строчка (стих) состоит из слов, в совокупности представляющих 15 слогов. При этом ударные слоги расположены хаотично, то есть ритм прослушивается только в клаузулах (окончаниях стихов) и цезуре (паузе, разделяющей длинную строку на два полустишия): «И туган тел, и матур тел, || эткэм-энкэмнең теле!», то есть 8 + 7 = 15 слогов – в 1-м, 3-м и 4-м двустушиях) и 7 + 8 слогов – во 2-м двустушии («Иң элек бу тел белән || энкэм бишектә көйләгән / Аннары тәннәр буе || әбкәм хикәят сөйләгән»).

Силлабическим стихам характерна попарная рифмовка, то есть когда рифмуется по два стиха (греч. *дистих*) – как это видим в стихотворении Г. Тукая. В этом произведении встречаются одноударные рифмы мужского типа: «телé – тел аркылы; көйләгән – сөйләгән; синёң – минём; догам – ходам».

Стихотворение Г. Тукая заканчивается обращением к Всевышнему: «ярлыкагыл, дип, үзем һәм эткэм-энкэмне, ходам!» (прости меня, отца и мать, мой Бог. – *подстрочный перевод*). Как отмечают в своей статье Д. М. Абдуллина и Ф. И. Габидуллина, Г. Тукай, как и многие другие татарские поэты, «мыслил о сущности Всевышнего творчески, называя его разными именами: Аллах, Тенгри, Хода, Мевля, Открывающий тайны, Илах» [7]. В стихотворении Тукай называет Всевышнего как «ходам» (т. е. мой Бог), что довольно часто наблюдается среди татар, хотя такое обращение к Аллаху в числе его 99 имен отсутствует.

Все эти нюансы, конечно, сложно воспроизвести в переводном тексте. И. Ж. Едиханов пишет, что между литературным произведением и его переводом должно существовать диалектическое единство, которое предполагает «взаимовлияние

двух языковых картин мира, двух художественных систем. Текст перевода “встраивается” в новую парадигму: он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам – исходной культуре и культуре реципиента» [8, с. 136].

Следует отметить, что в рассматриваемом стихотворении татарские исследователи Л. Р. Гатауллина и А. Х. Ашрапова в качестве ключевого выделяют концепт «Туган тел», в содержание которого они включают такие понятия, как «родители, родной дом, родная страна, родная земля»; сам родной язык, в свою очередь, «красивый, дорогой и великий», «чистый» [9] Сюда же включено и понятие «вера». Поэтому вполне логично, что данный концепт должен быть адекватно отражен и в переводах.

Посмотрим, что удалось переводчикам и чем они пожертвовали ради воплощения особенностей стихотворения «Туган тел» («Родной язык») Г. Тукая на русском языке.

В переводе А. Чепурова замечаем похожее строение стихотворения, как в аутентичном тексте. В переводном стихотворении четыре двустушия попарно рифмованных стихов. Все рифмы мужского типа: «язык – постиг; мать – унять; лет – свет; помог – Бог» [10, с. 214]. То же удалось сделать Р. Бухараеву [11, с. 148] и С. Липкину [12, с. 67]. Однако только Р. Бухараеву удалось сохранить 15-слоговую строку – как в первоисточнике. У остальных стих состоит из слов, общее количество слогов которых 16. Исключение составляет единственная строчка (4-й стих) у С. Липкина – «И сказки бабушки я научился понимать» [Липкин] – не добравшая один слог до равного количества слогов в стихах, то есть в ней всего 14 слогов. Если рассматривать формально, то в целом поэты-переводчики справились. Разве что не удалось воплотить поэтическую идею именно в силлабическом стихосложении – как у татарского поэта. Переводчики создали ритмичное звучание: во всех стихах у них равномерно чередуются ударные и безударные слоги, то есть используется силлабо-тоническая система стихосложения. У А. Чепурова 8-стопный

ямб, такой же размер у С. Липкина. Оба переводчика как бы «облегчают» стих безударными стопами – пиррихиями.

Однако у всех троих сохранена мужская рифма, как в стихотворении Г. Тукая. Но по количеству слогов в каждой строке стихотворения татарского поэта совпал перевод Р. Бухараева, у него слова в каждом стихе в совокупности составляют тоже 15 слогов. Отличается перевод лишь системой стихосложения, в чем, на наш взгляд, такой перевод только выигрывает. Современный читатель легче воспринимает силлабо-тонический стих, основанный на соединении долгих и кратких слогов (в русском языке – ударных и безударных) в стопе, чем силлабический, основанный на подсчете слогов в стихе (без учета долготы, или ударения, а также их расположения).

В плане рифмы переводчики не искушали себя. Во всех трех переводах мы видим использование одноударных мужских, точных рифм: «Язык – постиг, мать – унять, лет – свет, помог – Бог» (А. Чепуров); «Язык – постиг, мать – понимать, вдаль – печаль, творца – отца» (С. Липкин); «Речь – уберечь, мать – понимать, друзья – твоя, раз – нас» (Р. Бухараев).

У А. Чепурова и С. Липкина встречаются как грамматические, однородные (*лет – свет; вдаль – печаль, творца – отца*), так и неграмматические, неоднородные, рифмы, когда рифмуются разные части речи (*Язык – постиг, мать – унять, помог – Бог; мать – понимать*).

Иначе у Р. Бухараева. С одной стороны, он также использует богатую мужскую, точную рифму: «речь – уберечь, мать – понимать, друзья – твоя, раз – нас» (в последнем случае это тоже мужская рифма, точная, несмотря на приглушенный на конце слова звук [с] взамен [з]). С лексической точки зрения среди его рифм, как и у А. Чепурова и С. Липкина, встречаются тавтологические: «речь – уберечь, мать – понимать» (последняя пара совпадает с переводом С. Липкина). Но, с другой стороны, его стихи отличаются от переводов А. Чепурова и С. Липкина постоянным использованием неграмматических рифм: «Речь – уберечь, мать – понимать,

друзья – твоя, раз – нас». Новых форм рифмовок, возникших в XX веке, ни в одном из переводов не встречается, как, собственно, нет их и в аутентичном тексте.

Каждый перевод в отдельности интересен своей условной образностью, набором тропов, иносказательностью. Если у А. Чепурова «родной», «красивый» язык заменен на единственный эпитет – «хорош», то у Р. Бухараева он «певучий», а С. Липкин в своем воображении идет еще глубже, у него родной язык – «святой». Таким образом, уже по первому стиху видны различия переводов.

Вместо «отца и матери язык» (подстрочник), например, Р. Бухараев допускает замену фразы на выражение «родительская речь». Это, конечно, не меняет смысла, поскольку необходимо переводчику для его точной рифмы, но все же является неточным переводом. Менее удачен в переводе этого автора второй стих: «Что еще на свете знал я, что сумел я уберечь?». Во втором стихе произведения Г. Тукая основная мысль, по нашему мнению, заключена в слове «аркылы» – «через» (ни «посредством», ни «от», а именно «через»): «Я в мире много вещей узнал через тебя, родной язык» (подстрочный перевод).

Структурное слово современного русского языка «через», помимо прочих смысловых значений, «употребляется при указании на пространство, среду <...>, сквозь которые кто-то-либо проникает, проходит и т. п.» [13, с. 375]. В данном случае, через язык проходит все, через него лирический герой (отождествленный с самим автором) Г. Тукая постигает жизнь, ощущает мир.

Структурное слово «через» позволяет нам вспомнить то, о чем доносилось человечеству во всех самых древних верованиях. Лирический герой Г. Тукая как бы растворяется в языке, ощущает его глубину, чувствует его и одновременно понимает, насколько он велик и непостижим. Это подобно представлению об индуистском Пुरुше (изначальному чистому «духу»), из тела которого возникает Вселенная. Так через язык человек познает окружающий и свой внутренний миры.

Слово «через» во втором стихе совершенно справедливо сохраняет в своих переводах А. Чепуров («Я в мире множество вещей через тебя навек постиг!») и, вместо «много вещей узнал через тебя» (подстрочный перевод), заменяет фразу «много вещей» смысловым эквивалентом «в твоём богатстве» С. Липкин («Целый мир в твоём богатстве я постиг!»).

Похвально, что этим же переводчикам удалось сохранить такое слово, являющееся украшением татарского стихотворения, как «бишэк» – «колыбель, люлька, зыбка»: «Сперва на этом языке, качая зыбку, пела мать» (А. Чепуров), «Качая колыбель, тебя мне в песне открывала мать» (С. Липкин), «Колыбель мою качая, тихо-тихо пела мать» (Р. Бухараев).

В последней строфе стихотворения Г. Тукая используются архаизмы: *кыйлган догам* – «сотворить молитву», *ярлыкагыл* – «прости, помилуй». Им переводчики не нашли эквивалента, перевели на современный русский. Однако замечательны и поэтически чудесны по своей интонации и эмоциональному подъёму эти строки в переводе Р. Бухараева: «О язык мой, как сердечно я молился в первый раз: / “Боже, – я шептал, – помилуй мать, отца, помилуй нас”», но не так близки они к оригинальному тексту, как в переводе (на наш взгляд, менее поэтичном, но более точном) А. Чепурова: «Ты мне, родной язык, изречь молитву первую помог: / “Прости меня, отца и мать, великодушен будь, мой Бог!”» (здесь переводчик использовал архаизм «изречь [молитву]» и лишь ради ритма добавлено лишнее выражение «великодушен будь»). Тот же катрен у С. Липкина выглядит снова своеобразно, добавлен образ Бога как Творца – возможно, с целью удачной рифмы: «Родной язык, с тобой вдвоем я в первый раз молил Творца: / “О боже, мать мою прости, прости меня, прости отца”».

Есть замечательная вольность, которую позволил себе Р. Бухараев. В 4-м стихе он подменяет смысл, философски углубляя его, пытаясь как бы досказать фразу переводимого поэта. Вместо «моя бабушка рассказывала мне сказки» он пишет: «Подрастая,

сказки бабушки я начал понимать». В целом, исходя из смыслов стихотворения, такой перевод не нарушает гармонии текста, хотя в лексическом плане неточен.

Наконец, самым сложным, судя по разнице в переводах, оказалось третье двустишие. Приведем его подстрочный перевод: «О родной язык! Всегда с твоей помощью / Я с малых лет осознал радость и печаль мою». А. Чепурову удается передать основную мысль в первом стихе этого катрена, и, видимо, ради рифмы он вносит дополнения во второй стих, заменяя «печаль» на синонимичное выражение «боль души», продолжая фантазировать в этом русле: «Родной язык, ты мне помог понять и радость с малых лет, / И боль души, когда в глазах темнеет, меркнет ясный свет».

Отличный смысл от аутентичного текста находим в переводных строчках С. Липкина: «Родной язык, Родной язык, с тобою смело я шел вдаль, / Ты радость возвышал мою, ты просветлял мою печаль». Переводчик значительно изменил смысл этих стихов. Неудачен, на наш взгляд, подбор рифмы к слову «вдаль» – «печаль». Использована так называемая избитая рифма, которая слишком часто использовалась в русском стихосложении.

Лучше всех это место получилось у Р. Бухараева, он передал образность этих строк красивым русским языком поэзии: «О язык мой, мы навечно неразлучные друзья, / с детства стала мне понятна радость и печаль твоя».

Сравнив три из многочисленных переводов на русский язык знаменитого стихотворения Г. Тукая «Туган тел», мы пришли к выводу, что художественный перевод настолько специфичен, что не может быть единственным однозначно верного перевода. Есть пассажи, которые удаются либо не удаются тем или иным переводчикам. У каждого из рассмотренных переводов мы отметили и достоинства, и недостатки. Но все три стихотворных перевода, так или иначе, лаконично звучат на русском языке, сохраняя основные смыслы и многие поэтические особенности стихотворения и языка татарского поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Латышина Д. И., Хайруллин Р. З.* Этнопедагогика. Учебник. М.: Юрайт, 2016. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (2-е изд., пер. и доп.). 532 с.
2. *Хомяков А. С.* Собр. соч. в 2 т. Т. I. М.: Московский философский фонд: Медиум, 1994. 591 с. URL: <https://royallib.com/read/ashomyakov/sochineniya.html#0> (дата обращения: 08.12.2020).
3. *Тукай Г.* Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909–1913) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. З. Р. Шәйхелисламов, Г. А. Хөсетдинова, Э. М. Галимжанова, З. З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 384 б.
4. *Абдуллина Д. М.* Коранические мотивы в творчестве Габдуллы Тукая: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, Казань, 2005. 29 с.
5. *Тукай Г.* «...Мин кулыма Китап алам» (Искәрмәләр һәм аңлатмалар белән). Казань: Хозур, 1436/2015. 52 с.
6. *Кормилов С. И.* Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 1999. 112 с.
7. *Абдуллина Д. М., Габидуллина Ф. И.* Творчество Габдуллы Тукая и каноны богословия // В мире научных открытий. 2014. № 1 (49). С. 52–57. URL: <http://naukarus.com/tvorchestvo-gabdully-tukaya-i-kanony-bogosloviya> (дата обращения: 08.12.2020).
8. *Едиханов И. Ж.* Межкультурная коммуникация в переводах произведений татарской просветительской литературы на русский язык // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. Т. 151, № 6. С. 136–142.
9. *Гатауллина Л. Р., Аиранова А. Х.* Концепт «Туган тел» в татарской лингвокультурологии (по результатам ассоциативного эксперимента) // В мире научных открытий. 2015. № 3 (63). С. 190–196. URL: <http://naukarus.com/kontsept-tugan-tel-v-tatarskoy-lingvokulturologii-po-rezultatam-assotsiativnogo-eksperimenta> (дата обращения: 08.12.2020).
10. *Тукай Г.* Стихотворения и поэмы: [переводы] / [вступ. ст. Г. Халита, с. 7–32; примеч. Р. Даутова]. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1988. 431 с. (Б-ка поэта. Малая серия. Изд. 4-е).
11. *Тукай Г.* Стихотворения, поэмы, сказки. М.: Дет. лит., 1986. 222 с.
12. *Тукай Г.* Избранное. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 272 с.
13. *Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. и др.* Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997. 420 с.

REFERENCES

1. *Latyshina D. I., Khairullin R. Z.* *Etnopedagogika. Uchebnik.* Moscow: Yurayt, 2016. Ser.58 Bakalavr. Akademicheskij kurs. 532 p.
2. *Khomyakov A. S.* *Coll. of works in 2 vol.* Vol. I. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond: Medium, 1994. 591 p. Available at: <https://royallib.com/read/ashomyakov/sochineniya.html#0> (accessed: 08.12.2020).
3. *Tukay G.* *Әсәрләр: 6 томда. Akademik basma. 2 vol.: shig'ri әсәрләр (1909–1913) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.* Z. R. Shajhelislamov, G. A. Hoesnetdinova, E. M. Galimzhanova, Z. Z. Ramiev. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011. 384 p.
4. *Abdullina D. M.* Koranicheskie motivy v tvorchestve Gabdully Tukaya. *Extended abstract of the PhD dissertation (Philology).* Kazan. gos. un-t im. Vol. I. Ulyanova-Lenina. Kazan, 2005. 29 p.
5. *Tukay G.* “...Min kulyma Kitap alam” (Iskarmelar ham anlatmalar belan). Kazan: Hozur, 1436/2015. 52 p.
6. *Kormilov S. I.* *Osnovnye ponyatiya teorii literatury. Literaturnoe proizvedenie. Proza i stikh. V pomoshch prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam.* Moscow: Izd-vo MGU, 1999. 112 p.
7. *Abdullina D. M., Gabidullina F. I.* Tvorchestvo Gabdully Tukaya i kanony bogosloviya. *V mire nauchnykh otkrytiy.* 2014, No. 1 (49), pp. 52–57. Available at: <http://naukarus.com/tvorchestvo-gabdully-tukaya-i-kanony-bogosloviya> (accessed: 08.12.2020).

8. Edikhanov I. Zh. Mezhkulturnaya kommunikatsiya v perevodakh proizvedeniy tatarskoy prosvetitel'skoy literatury na russkiy yazyk. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2009, Vol. 151, No. 6, pp. 136–142.
9. Gataullina L. R., Ashrapova A. Kh. Kontsept «Tugan tel» v tatarskoy lingvokulturologii (po rezultatam assotsiativnogo eksperimenta). *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2015, No. 3 (63), pp. 190–196. Available at: <http://naukarus.com/kontsept-tugan-tel-v-tatarskoy-lingvokulturologii-po-rezultatam-assotsiativnogo-eksperimenta> (accessed: 08.12.2020).
10. Tukay G. *Stikhotvoreniya i poemy*: [perevody]. Leningrad: Sov. pisatel: Leningr. branch, 1988. 431 p. (B-ka poeta. Malaya seriya. Ed. 4th).
11. Tukay G. *Stikhotvoreniya, poemy, skazki*. Moscow: Det. lit., 1986. 222 p.
12. Tukay G. *Selected*. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1978. 272 p.
13. Morkovkin V. V., Luckaya N. M., Bogacheva G. F. et al. *Slovar strukturnykh slov russkogo yazyka*. Moscow: Lazur, 1997. 420 p.

Хайруллин Руслан Зинатуллович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации АНО ВО «Российский новый университет»

e-mail: rhairullin@mail.ru

Khairullin Ruslan Z., ScD in Education, Full Professor, Professor, Linguistics and Intercultural Communication Department, Russian New University

e-mail: rhairullin@mail.ru

Таирова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и издательского дела, АНО ВО «Российский новый университет»

e-mail: tetavr-in@mail.ru

Tairova Irina A., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Publishing, Russian New University

e-mail: tetavr-in@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2020

The article was received on 28.12.2020